

НОРА РОБЕРТС

ОСТРОВ СПОКОЙСТВИЯ

**Москва
2022**

*Памяти моей бабушки
с ярко-рыжими волосами*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ УТРАЧЕНА НЕВИННОСТЬ

Никакое принятие вины не может восполнить утраты того прочного внутреннего комфорта разума, что является верным спутником невинности и добродетели; ни в малейшей степени не может оно уравновесить зло того ужаса и беспокойства, которое вина поселяет в наши сердца.

Генри Филдинг

Глава 1

В пятницу, 22 июля 2005 года, Симона Нокс купила большую «фанту» — оранжевую, под цвет попкорна и мармеладок. Этот выбор — стандартный заказ в кинотеатре — изменил ее жизнь. Может быть, даже спас. И все же она никогда больше не пила «фанту».

Хотя в тот момент она хотела только сесть в темноте кинозала с двумя своими «лучшими подругами навсегда» и обо всем позабыть. Потому что ее жизнь — сейчас, и уж точно на всю оставшуюся часть лета, а возможно, и на веки вечные — была бесконечно ужасна.

Мальчик, которого она любила, с которым она встречалась уже семь месяцев, две недели и четыре дня и с которым она собиралась встречаться все старшие классы — рука об руку, сердце к сердцу, ее бросил.

И сделал это, прислав эсэмэску.

Больше не хочу тратить время, я должен быть с кем-то, кто готов быть со мной, а это не ты, так что между нами все кончено, пока.

Наверняка произошло какое-то недоразумение! Она пыталась ему позвонить. Он не от-

вечал. Унижаясь, она отправила ему три эсэмэски.

Потом зашла на его страницу в «МайСпейс».

«Унижение» — слишком слабое слово для описания того, что она испытала.

*Сменил старую ДЕФЕКТИВНУЮ модель на красивую новую.
Прощай, Симона! Привет, Тиффани!
Расстался с ЛОХУШКОЙ, буду встречаться все лето и всю
старшую школу с самой красивой девчонкой в классе
2006 года.*

Его пост — с фотографиями — уже собрал кучу комментариев. Симона догадалась, что он специально подговорил друзей писать о ней гадкие, злые слова, но это не уменьшило ни боли, ни обиды.

Она горевала несколько дней. Впитывала утешение и праведный гнев двух своих лучших подруг. Злилась на младшую сестру за насмешки, заставляла себя ходить на летнюю подработку и еженедельные уроки тенниса, на которых настаивала мать.

Симона хмыкнула, прочитав СМС от бабушки. Сиси умеет быть в курсе последних событий, даже если медитирует с далай-ламой в Тибете, отрывается под «Роллинг-Стоунз» в Лондоне или рисует в своей студии на острове Спокойствия.

Сейчас ты испытываешь настоящую боль, поэтому обнимаю тебя, мое сокровище. Пройдет пара недель, и ты поймешь, что это просто очередной урод. Хвост пистолетом, и Намастэ.

Симона не считала Трента мудаком (впрочем, и Тиш, и Ми согласились с Сиси). Хотя он и отшвырнул ее в сторону — причем самым подлым способом —

только потому, что она не согласилась сделать с ним «это». Да, она не готова. К тому же вон Тиш сделала «это» со своим бывшим парнем после выпускного — и еще два раза потом, — а он все равно ее бросил.

К сожалению, она любила Трента и знала всем своим отчаянным шестнадцатилетним сердцем, что никогда больше никого не полюбит. Никогда. Она вырвала из дневника страницы, на которых писала свои будущие имена — миссис Трент Вулворт, Симона Нокс-Вулворт, С. Н. Вулворт, разорвала листки в клочья, а затем сожгла и обрывки, и все его фотографии на костре, устроенном во дворе ее подругами в рамках «церемонии поднятия силы духа». И все равно продолжала его любить.

Однако, как сказала Ми, надо жить, и она позволила подругам завлечь ее в кино.

К тому же Симоне надоело тосковать в одиночестве и совсем не хотелось идти по магазинам с матерью и младшей сестрой, так что кино победило.

Ми тоже победила: была ее очередь выбирать. Поэтому Симоне предстояло смотреть какой-то фантастический фильм под названием «Остров».

Тиш против выбора не возражала. Как будущая актриса она считала, что смотреть все фильмы и пьесы ее обязанность, вроде подготовки к карьере. Вдобавок актер Юэн Макгрегор входил в пятерку лучших кинобойфрендов.

— Пошли, займем хорошие места, — сказала Ми. Маленькая, с аккуратной фигуркой, темными драматичными глазами и густой копной черных волос, Ми взяла с прилавка попкорн — с настоящим сливочным маслом, стакан с напитком и арахисовые «M&M's». В мае ей исполнилось семнадцать, она время от времени ходила на свидания, однако в настоящее время

предпочитала мальчишкам науку. Ми никто не считал «ботаничкой» только благодаря ее мастерству гимнастики и прочной позиции в отряде чирлидерш. Этим отрядом, к сожалению, командовала Тиффани Брайс, шлюха и воровка парней.

— Мне нужно в туалет. — Тиш вручила подругам свой попкорн с двойным поддельным маслом, кока-колу и коробочку мятных драже. — Я вас найду.

— Не возись там с лицом и волосами, — предупредила ее Ми. — Все равно никто тебя не увидит, как только начнется фильм.

«Тем более идеал не улучшить», — отметила про себя Симона, направляясь ко входу в один из трех кинозалов торгового центра «Даун-Ист». Волосы у Тиш длинные, шелковистые, каштанового цвета, с профессионально выкрашенными золотыми бликами — потому что ее мать, в отличие от некоторых, не застряла навсегда в тысяча девятьсот девяносто пятом году. А очаровательные ямочки на щеках украшали классический овал лица, и Тиш всегда находила повод улыбнуться.

«Была бы я такая же высокая и красивая, с такими ярко-голубыми глазами и кокетливыми ямочками, — думала Симона, — я бы тоже, наверное, всегда улыбалась».

Родители Тиш еще и поддерживали ее желание стать актрисой. Тиш, по мнению Симоны, сорвала джекпот: внешность, характер, мозги, плюс родители, которые по-настоящему умели понимать.

Но Симона все равно любила Тиш.

У них троих уже были планы, пока секретные — родители Симоны этого еще не знали, — провести лето после выпускного в Нью-Йорке.

Может, они даже туда насовсем переедут. Наверняка там веселей, чем в Рокпойнте, штат Мэн.

Да в песчаных дюнах Сахары наверняка веселей, чем в Рокпойнте, штат Мэн!

А Нью-Йорк? Яркие огни, толпы людей... Свобода!

Ми будет учиться на доктора в Колумбийском университете, Тиш будет учиться актерскому мастерству и ходить на прослушивания. А она... она тоже может на кого-нибудь учиться.

Только не на юриста, как хотят ее ничего не понимающие родители. Скучно и слишком уж по стандарту – потому что ее отец известный адвокат.

Уорд Нокс огорчится, но так уж тому и быть.

Может, она решит изучать искусство и станет художницей, как Сиси. Вот родители взбесятся! И она будет так же, как Сиси, часто заводить и бросать любовников (когда будет к этому готова).

И Трент Вулворт еще пожалеет.

– Выходи, – приказала Ми, толкнув ее локтем.

– Куда? Я здесь.

– Нет, ты в «зоне мрака Симоны». Выходи, присоединяйся к миру.

А может, ей нравится быть в зоне мрака...

– Придется открыть дверь силой разума, потому что руки у меня заняты. Ладно, готово. Я вернулась.

– Разум Симоны Нокс – это потрясающая сила.

– Нужно использовать его только для хороших дел, чтобы не превратить Тиффани в лужу слизи.

– Не стоит напрягаться. Ее мозги и так лужа слизи.

«Друзья, – подумала Симона, – всегда знают, что сказать». Она выйдет из «зоны мрака» и воссоединится с Ми и Тиш, когда Тиш перестанет возиться со своими и без того прекрасными лицом и волосами.

Был вечер пятницы, поэтому зал кинотеатра уже заполнился посетителями почти наполовину.

Ми выбрала три места в самом центре и села на третье от прохода сиденье, чтобы Симона, которую все еще нужно было опекать, села между ней и Тиш — длинные ноги Тиш заслуживали места возле прохода.

Ми поерзала в кресле. Она уже подсчитала, что до момента, когда погасят свет, осталось всего шесть минут.

— Завтра вечером ты идешь на вечеринку Элли.

«Зона мрака» снова поманила к себе.

— Я не готова к вечеринкам. И потом, ты же знаешь, там будет Трент со своей шлюхой Тиффани.

— В том-то и дело, Сим. Если не пойдешь, все будут думать, что ты прячешься и страдаешь.

— Так и есть.

— Нельзя доставлять ему такое удовольствие! — настаивала Ми. — Ты идешь с нами. Тиш придет со Скоттом, он клевый. Наденешь что-нибудь потрясающее, а Тиш тебя накрасит, она лучше всех это делает. И ты будешь такая: «Кто? Он? А, я про него уже давно забыла».

Симона взгляделась в свою «зону мрака».

— Вряд ли у меня получится. Актриса у нас Тиш, а не я.

— Ты же играла Бетти Риццо в «Бриолине» в школьной постановке! Тиш была изумительной Сэнди, но ты была не менее изумительной Риццо.

— Потому что я брала уроки танцев и немножко умею петь.

— Ты великолепно поешь и отлично играла. Будь как Риццо на вечеринке Элли — ну, такая уверенная, сексуальная и пошли вы все.

— Не знаю, Ми...

Впрочем, Симона уже представила себе, как это будет. И как Трент, увидев ее уверенной, сексуальной и пошли вы все, снова ее захочет.

Тут примчалась Тиш, упала в кресло и схватила Симону за руку.

— Сохраняй спокойствие!

— А что я... О нет! Только не это.

— Шлюха наносит свежий блеск на свои губки, а му-
дак топчется у двери дамского туалета, как преданный песик.

— Вот черт! — Ми сжала пальцами руку Симоны. —
Может, они идут на другой фильм.

— Нет, они наверняка придут сюда, таково уж мое
везение.

— Только не смей уходить. — Ми сжала ее руку
крепче. — Он это увидит, и ты будешь чувствовать себя
неудачницей. Ты не неудачница. Это твоя генеральная
репетиция для вечеринки Элли.

— Она идет с нами? — Тиш сверкнула ямочками на
щеках. — Ты ее уговорила?

— Уговариваю. — Ми скосила глаза на дверь. — Так,
они входят. Сиди на месте, — прошипела она, когда
рука Симоны задрожала под ее пальцами. — Ты их
даже не замечаешь. Мы с тобой.

— Мы с тобой здесь, сейчас и всегда, — эхом отклик-
нулась Тиш, сжимая другую руку Симоне. — Мы — стена
презрения. Поняла?

Они шли по проходу: блондинка с кудряшками в рва-
ных джинсах и прекрасный мальчик — статный, кра-
сивый, квотербэк команды-чемпиона «Дикие коты».

Трент одарил Симону улыбкой, которая когда-то
растопила ее сердце, и, демонстративно проведя ру-
кой по спине Тиффани, задержал ее на обтянутой

джинсами заднице. Он что-то прошептал Тиффани на ухо, и та, обернувшись, посмотрела в их сторону. Ухмыльнулась своими идеальными подкрашенными губками.

Разбитое сердце — да, ощущение пустоты жизни — да, но в Симоне было слишком много от бабушки, чтобы принять такое оскорбление.

Она усмехнулась в ответ и показала средний палец. Ми хихикнула.

— Так им, Риццо!

Трент и Тиффани сели через три ряда впереди и сразу же начали целоваться.

— Все мужики хотят секса, — со знающим видом заметила Тиш. — Но если это все, чего они хотят, то ну их к черту.

— Мы лучше, чем она. — Ми передала Тиш ее конфеты и колу. — Потому что, кроме секса, ей нечего предложить.

— Ты права. — В глазах немножко щипало, однако в груди стало горячо, и это тепло ощущалось как исцеление. Симона передала Тиш ее попкорн. — Я пойду на вечеринку Элли.

Тиш рассмеялась — намеренно громко. Достаточно громко, чтобы Тиффани вздрогнула.

— Устроим им кипиш! — сказала Тиш, улыбаясь Симоне.

Симона зажала стакан с попкорном между ног, чтобы взяться с подругами за руки.

— Девчонки, я вас люблю.

К тому времени, как закончились анонсы, Симона перестала смотреть на силуэты тремя рядами ниже. Почти. Она собиралась — даже планировала — весь фильм предаваться страданиям, но сюжет ее захва-

тил. Эван Макгрегор и правда был душкой, и ей понравилась сильная и смелая героиня Скарлетт Йоханссон.

Через пятнадцать минут она поняла, что зря не сходила в туалет вместе с Тиш — хотя было бы катастрофой встретить красящую там губы Тиффани, — или нужно было пить поменьше «фанты».

Через двадцать минут пришлось сдаться.

— Мне нужно в туалет, — прошептала Симона.

— Ну вот! — прошептала в ответ Ми.

— Я быстро.

— Пойти с тобой?

Она помотала головой, отдала Тиш остатки своего попкорна и «фанты», быстро прошла вверх по проходу, свернула направо к дамскому туалету и толкнула дверь.

Пусто, не надо стоять в очереди. С облегчением она забежала в кабинку и, пока писала, думала о том, что неплохо справилась с ситуацией. Возможно, Сиси права. Возможно, она уже близка к пониманию, что Трент — мудака.

Но он такой милый, и у него такая улыбка, и...

— Не важно, — пробормотала Симона. — Мудаки тоже бывают милыми.

И все же она продолжала об этом думать, пока мыла руки, разглядывая себя в зеркале над раковиной.

У нее нет длинных светлых кудрей Тиффани, ярко-голубых глаз или потрясающей фигуры. Насколько она могла судить, ее внешность была самой средней. И средне-каштановые волосы, которые мать не позволяла покрасить.

Ну, ничего, вот исполнится ей восемнадцать, и она сможет делать со своими волосами все, что за-

хочет. Жаль только, что собрала их сегодня вечером в хвостик — совсем по-детски. Пожалуй, она сделает короткую стрижку. И панковский «ежик».

Рот у нее широковат, хоть Тиш и говорит, что это сексуально, как у Джулии Робертс.

Карие глаза не такие глубокие и драматичные, как у Ми, а просто коричневые, как дурацкие волосы. Конечно, Тиш не была бы Тиш, если бы не сказала, что они «янтарные».

Но это просто красивое слово, означающее тот же «коричневый».

Ничего. Пусть у нее средняя внешность, зато она не фальшивка, как Тиффани, обесцвеченные волосы которой тоже на самом деле коричневые.

— Я не фальшивка, — сказала она зеркалу. — Трент Вулворт — мудака. А Тиффани Брайс — грязная шлюха. Пусть оба катятся в ад.

С решительным кивком Симона высоко подняла голову и вышла из туалета.

Она подумала, что крики и громкие хлопки — петарды? — звучат в фильме. И кляня себя за то, что пропускает важную сцену, зашагала быстрее.

Дверь кинозала распахнулась. Мужчина с дико вытаращенными глазами сделал один неверный шаг и тут же упал лицом вперед.

Кровь? Это кровь? Руки мужчины вцепились в зеленый ковер, на котором расплывалось красное пятно, и замерли.

Вспышки. Симона увидела через приоткрытую дверь вспышки. Выстрелы, крики. И люди — их тени и силуэты — падали, бежали, падали.

И фигура, темная на темном, методично шагала вверх по рядам.

Застыв на месте, она смотрела, как фигура повернулась и выстрелила бегущей женщине в спину.

Она не могла дышать. Если бы не перехватило дыхание, она бы завизжала.

Часть ее мозга отвергала то, что она видела. Это не могло быть по-настоящему. Это, наверное, как в кино. Понарошку.

Но инстинкт заставил ее кинуться обратно в туалет. Захлопнув дверь, Симона опустилась на пол.

Онемевшие руки нащупали сумочку, нащупали в сумочке телефон.

Отец настоял на том, чтобы «девять-один-один» был вбит в память ее телефона на первой кнопке.

Перед глазами плыло.

— Девять-один-один. Какая у вас чрезвычайная ситуация?

— Он их убивает. Он их убивает. Помогите! Моих подруг. О боже! О боже! Он стреляет в людей!

Рид Квотермейн ненавидел работать в выходные. Еще он ненавидел работать в торговом центре. Однако осенью он хотел вернуться в колледж, а учеба в колледже включала маленькую деталь под названием «плата». Плюс учебники, жилье, еда — вот и приходится работать в выходные в торговом центре.

Его родители покрывали большую часть платы за учебу, но им было не по силам нести на себе все расходы. Тем более что на будущий год поступает сестра, а брат уже на третьем курсе Американского университета в штате Колумбия.

Нельзя обслуживать столики до конца жизни, поэтому — колледж.